

Леонтьев К. Н. Письма к Анатолию Александрову: [XLVII—LXVI: 11 июня, 11 июля, 12 августа, 4, 20 сентября, 26 октября 1890 г.; 26 октября 1890 г.; 26 февраля, 15 марта, 25 апреля, 3, 26 мая, 19 июля, 4 августа, 8 сентября, 2, 17, 22, 23, 31 октября 1891 г.] / Сообщил А. А. Александров // Богословский вестник 1915. Т. 1. № 1. С. 1–31 (3-я пагин.). (Окончание.)

Письма К. Н. Леонтьева къ Анатолю Александрову *).

Письмо XLVII.

11 июня 1890 г. Оптина Пустынь.

Милый Анатолий Александровичъ! Наконецъ-то, я собрался Вамъ отвѣтить на Ваше послѣднее („лаконическое“, къ сожа-лѣнью) письмо.

Мстить Вамъ такимъ же лаконизмомъ не хочу, хотя, по правдѣ сказать, все таки не вполнѣ вѣрю, чтобы *разъ* въ мѣсяць-то не нашлось двухъ всего часовъ какихъ-нибудь, чтобы хоть „сочинить“ такое письмо, которое бы могло удовлетворить меня. Вы спросите: „чѣмъ?“—Большими подробностями о Вашемъ собственномъ настроеніи, о Вашихъ надеждахъ, опасеніяхъ, радостяхъ, скорбяхъ и т. п. Не говорю уже о какихъ-нибудь болѣе общихъ вопросахъ, которые могутъ Васъ иногда тревожить. Право, такъ!

Вотъ *нѣмецъ-то* (Фудель) все таки лучше васъ всѣхъ: и лаконическія письма онъ пишетъ гораздо чаще, чѣмъ Вы, а отъ времени до времени касается и *общихъ* идей, и задаетъ мнѣ ими работу. О Кристи я не говорю. Этотъ вѣчно чѣмъ-то мнѣ не всегда понятнымъ буруаемъ, и поэтому очень неровень: то напишетъ два-три длинныхъ и страстныхъ письма, то по полугоду пропадаетъ безъ вѣсти! Онъ, видимо, съ этой стороны несправимъ, и я съ этимъ не то, чтобы примирился, но просто привыкъ къ этому, какъ къ неизбѣжному злу. Смотрите, и Вы не пріучите меня къ чему-нибудь по-

*) Окончаніе. „Бог. Вѣстн.“, 1914 г., № 12.

добному. Нужно же *понимать*, какъ пожилому и уединенному человѣку пріятно получать письма отъ молодыхъ друзей. Внѣшнихъ важныхъ событій нѣтъ,—есть внутренній Вашъ міръ, который не можетъ не интересоваться меня.

Ну, довольно укорять Васъ; лучше поблагодарю за то, что Вы такъ скоро исполнили мое желаніе и возвратили къ себѣ статью о Черновѣ. Никогда не забуду этой грубой ошибки моей! *Mea culpa! Mea culpa!* Всему свое время: будете профессоромъ, будете постарше, приобретете больше опыта и больше извѣстности,—и тогда, быть можетъ, со значительными измѣненіями, многое изъ труда Вашего и пригодится...

Не писалъ я Вамъ долго оттого, что очень былъ занятъ до послѣднихъ дней—сочинительствомъ своей новой повѣсти; теперь пріостановился недѣли на двѣ; буду говѣть и еще обдумывать. Не помню, писалъ ли я Вамъ, что я вынужденъ былъ приступить къ ней по жребію, который велѣлъ мнѣ бросить отъ Амвросіи. Это не то, что я Вамъ читалъ: „Дипломатъ Маврокордато ѣдетъ черезъ лѣсъ къ помѣщику и философу-пессимисту Львову“ и т. д. По совѣсти сказать, писать объ этомъ пессимистѣ мнѣ было бы гораздо пріятнѣе и легче, и сюжетъ самъ по себѣ *сразу* занимательнѣе; но—дѣлать нечего—надо повиноваться жребію! Хочу постараться окончить первую часть къ сентябрю, и рѣшилъ не уступать дешевле 200—250 руб. за листъ. Жена Боборыкина, которая на-дняхъ пріѣхала въ свое имѣніе (верстахъ въ 15 отъ Оптиной), говорить, что „дадутъ,—только кончайте!“ Вотъ Вамъ одна новость. Другая: Александръ нашъ готовится въ урядники; учится! Оболенскій обѣщалъ ему свою протекцію. Я же, если Богъ поможетъ мнѣ получить за первую часть повѣсти („Подруги“) около 2.000 руб., развяжусь навсегда съ Калужк. Общ. Взаимн. Кредита, которое пьетъ мою кровь сотни по 2, по 3 въ годъ—процентами и погашеніемъ капитала, и хочу перейти на одиночное заключеніе въ особую пристройку при здѣшней больницѣ, гдѣ и зимой могу прямо изъ своихъ дверей ходить въ церковь черезъ корридоръ, а Лизавету Павловну съ Варей устроить въ Козельскѣ. Въ „принципѣ“ это рѣшено; но срокъ перехода, конечно, зависитъ отъ многаго: отъ отъ Амвросія, архимандрита и денегъ. Разъ устроившись такъ, надѣюсь и съ хозяйственной стороны на экономію рублией въ 400 въ годъ. Мечтаю уплатить

при жизни и такіе долги, о которыхъ и кредиторы мои давно забыли! Вотъ таки „сѣдина въ бороду, а *честность* въ ребро!“

Еще новость: статья моя „Анализъ, стиль и вѣяніе“ печатается въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (іюнь—іюль). Бергъ очень ею доволенъ, и пишетъ, что она производитъ въ Петербургѣ впечатлѣніе. По полученіи оттисковъ,—конечно, одинъ экземпляръ тотчасъ же вышлю будущему профессору Русской литературы.

Что же Вамъ еще сказать? Не знаю. Покрупнѣе—нѣтъ ничего.

Вы не пишете: получили ли Вы *Гражданинъ* съ моими тремя статьями, „Добрыя вѣсти“?

Да! Забылъ! „Іюньскій цвѣтокъ“ ⁹⁶⁾ нашъ Мар. Влад. Вяземская весной очень заболѣла; похоже, что просто—чахотка: у нея мать была чахоточная. Въ началѣ мая уѣхала въ Крымъ; теперь ей лучше, и ее ждутъ со дня на день домой. Я очень радъ; но если мать была чахоточная, то и ей, бѣдной, не миновать рано или поздно этого конца.

„Минуетъ все, мой другъ, и юность, и безпечность.—

Сіяніе померкнетъ красоты,

Какъ облетаютъ пышные цвѣты“... ⁹⁷⁾

и т. д.

Ну, что жъ еще сказать?

Да! „Еще одно, послѣднее сказанье“... Вчера уѣхалъ отсюда нѣкто Федоръ Павловичъ *Чуфринъ*; молодой человекъ 25 лѣтъ, изъ мѣщанъ, учился *только* въ учительской семинаріи; заводилъ самъ какія-то образцовыя школы (первоначальныя); былъ атеистомъ и простымъ прогрессистомъ; разстроились дѣла; разстроился самъ; дошелъ до отчаянія: одинъ знакомый помѣщикъ года два тому назадъ, понявши его состояніе, уговорилъ его съѣздить къ от. Амвросію; онъ поѣхалъ: „посмотрю, молъ, что это за Амвросій!“ Поѣздилъ, поѣздилъ—и *обратился*. Теперь посвящаетъ всю жизнь свою на проекты Православной педагогіи. От. Амвросій благословилъ его ѣхать въ Москву къ гр. Капнисту (попечителю учебнаго округа) съ этими проектами, и далъ ему денегъ на дорогу.

⁹⁶⁾ Выраженіе изъ акростиха, написаннаго мною княгинѣ Вяземской, по просьбѣ К. Н. Леонтьева. А.

⁹⁷⁾ Отрывокъ изъ вышеупомянутаго акростиха. А.

Меня, вообразите, онъ уже 2 года (по церкви) зналъ въ лицо; но, самъ не знаетъ почему, считалъ меня здѣшнимъ купцомъ и заводчикомъ (виннымъ)—Цыплаковымъ. И только, когда прочелъ моего „от. Климента“, узналъ, что я—не Цыплаковъ, а „писатель“—Леонтьевъ. За два дня до неотложнаго отъѣзда—пришелъ ко мнѣ; обѣдалъ, ужиналъ оба дня,—и третьяго дня мы съ нимъ, точно „люди сороковыхъ годовъ“, пробесѣдовали *отъ 12 дня до 12 часовъ ночи*, то въ кабинетѣ, то на балконѣ въ саду, то за обѣдомъ и ужиномъ. *Очень* уменъ; при незначительной учебной подготовкѣ, судить и говорить, какъ умный кандидатъ университета. На все живое подается быстро. Съ виду похожъ немного на Замараева; брюнетъ, въ очкахъ; только красивѣе Григорія Ивановича. Вы догадываетесь, что я потщился перевернуть вверхъ дномъ всѣ его мысли... Въ религіи прежде много его утвердилъ уже отчасти Батюшка. Но все побочное было старое и обычное. И въ религіи были большія прорѣхи: „Евангеліе, равенство, любовь“ и т. д. Ну, понимаете—я ему: „страхъ Божій; себя спасай; остальное приложится, *неизбѣжно даже*; любовь безъ страха—гордость и европейскій прогрессъ; правильная эстетика, даже и деспотическая, менѣе опасна для истинной религіи, чѣмъ чистая (безбожная и небогобоязненная) мораль“. Я нарочно, чтобы указать ему, *какъ вѣруетъ самъ народъ*, обратился къ Варѣ и спросилъ: о чемъ надо въ дѣлѣ вѣры (прежде всего думать—о спасеніи себя или другихъ)? „Нынче“, говорю я ей, „вотъ они всѣ хотятъ другихъ спасать“. А Варя: „Вотъ еще! Да *куда* мнѣ *другихъ еще спасать!* Себя-то спасешь ли отъ ада?“ Это на него тоже подѣйствовало. Мы разстались, значить, очень довольные другъ другомъ. Ну, прощайте. Цѣлую Васъ крѣпко и прошу передать нашъ общій привѣтъ Авдотѣ Тарасовнѣ.

Вашъ К. Леонтьевъ.

Р. С. Сейчасъ вошла Варя и велѣла отъ нея *особенно кланяться* Вамъ. Мы всѣ очень жалѣемъ, что пріѣздъ Вашъ сюда отложенъ. Но я утѣшенъ той надеждой, что когда Вы къ зимѣ кончите совсѣмъ Вашъ экзамень, то, можетъ быть, и на два мѣсяца пріѣдете сюда „вольной птицей“.

А что стихи? Или научныя и педагогическія заботы усы-

пили музу? Да, ужъ заботы мелкія вредятъ ей (такъ же, какъ и религіи) хуже скорбей и несчастій!

Фудель собирается сюда въ августъ.

Письмо XLVIII.

11 іюля 1890 г. Оптина Пустынь.

Что съ Вами, Анатолій Александровичъ?

На Васъ это не похоже. Можно ли такъ ужъ долго молчать? Не болны ли Вы? Никакія занятія не могутъ помѣшать хоть одинъ разъ въ мѣсяцъ извѣстить о себѣ. Или чувства измѣнились? Этого, безъ повода съ моей стороны, отъ Вашего любвеобилія и твердости ожидать трудно. Если же нѣтъ, то берегитесь поддаваться этой слабости—подолгу не писать писемъ. Разъ за разомъ—человѣкъ и самъ не замѣтитъ, какъ отвыкнетъ. Что же тутъ хорошаго! Кромѣ Васъ и Фуделя, у меня такъ-то никого и не осталось больше. О Кристи и слуховъ нѣтъ съ весны. Посмотрите № 177 „Московск. Вѣдом.“ и *подивитесь*, какъ мерзко П. Е. Астафьевъ тамъ противъ меня написалъ... Глазамъ не вѣришь!

К. Леонтьевъ.

Письмо XLIX.

12 августа 1890 г. Оптина Пустынь.

Иду въ Москву 16 августа на цѣлый мѣсяцъ. Не увидимся ли благодаря экзаменамъ?

Фудель у меня. Благодарить Васъ за память и за дружескіе укоры (въ письмѣ, которое я показалъ ему). Самъ собирается писать Вамъ. Онъ ѣдетъ вмѣстѣ со мной, но немедленно въ Петербургъ.

Любящій Васъ К. Леонтьевъ.

Письмо L.

4 сентября 1890 г. Москва.

Милый Анатолій Александровичъ!

Не требуйте отъ меня „длиннаго“ письма изъ Москвы. Я не могу уже потому писать его, что *столь не мой*, неудобный, и вся обстановка непривычная. Уѣзжаю я домой 10-го (воскресенье). Денегъ истратилъ очень много; пользы, какъ здоровью, такъ и по литературнымъ дѣламъ, получилъ мало.

Всѣ, впрочемъ, мнѣ очень здѣсь обрадовались. и старые и молодые. *И только!* Пока объ этомъ довольно...

Фудель вчера былъ у меня, проѣздомъ изъ Петербурга, и сегодня вечеромъ ѣдетъ въ Вильно.

Бергъ пріѣхалъ на 3 дня по своимъ дѣламъ, и уѣхалъ. На счетъ „Чародѣя“⁹⁸⁾ еще разъ неудача. Пока дѣло было на словахъ, онъ былъ на все съ радостью согласенъ. Я хотѣлъ выслать ему стихи изъ Оптиной (и даже рѣшился безъ спроса у Васъ выслать ему и Ваши стихи *на Оптину*),— но оказалось, что тетрадка, въ которой Вашей рукою написано и то и другое, случайно съ другими бумагами привезена мною въ Москву. Я далъ ему прочесть,—и онъ отказался напечатать, говоря, что оба стихотворенія слишкомъ слабы! (Каково!). *Fatum!*

Ну, обнимаю Васъ. Прощайте.

Съ Петромъ Евгениевичемъ мы въ ссорѣ⁹⁹⁾; не были другъ у друга.

Вашъ К. Леонтьевъ.

Письмо ЕІ.

20 сентября 1890 г. Оптина Пустынь.

Милый Анатолій Александровичъ! Сегодня четвергъ, а въ понедѣльникъ я возвратился къ „очагамъ“ и „пенатамъ“ моимъ, развеселый оттого, что не вижу болѣе ни паровыхъ машинъ, ни конокъ, ни тысячей хамовъ; что не слышу треска пролетовъ по мостовой; что сплю на собственномъ волосяномъ тюфякѣ, а не на дьяволомъ изобрѣтенныхъ пружинныхъ матрацахъ, которые движутся подъ тобою тогда, когда ты этого совѣшь не желаешь; и т. д., и т. д. Истратилъ, прожилъ, проѣздилъ рублей до 400 въ одинъ мѣсяць, измучился,—и теперь, избавившись отъ „цивилизациі“, ежедневно восклицаю: „Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его“!

Въ Москвѣ всѣ знакомые и пріятели были мнѣ до того рады, что я и не ожидалъ! Удивился. Оно, конечно, при-

⁹⁸⁾ Стихотвореніе мое, посвященное К. Н. Леонтьеву. А.

⁹⁹⁾ Съ Петр. Евг. Астафьевымъ вышла размолвка изъ-за литературной полемики по поводу статьи Леонтьева „Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи“. А.

ятно... Но вот поди, угоди человѣку! Нѣсколько хорошихъ, строгихъ даже и справедливыхъ, критическихъ статей, при *сердечною* ко мнѣ равнодушіи, больше бы меня утѣшили, чѣмъ эта личная любовь безъ статей... Эта любовь (личная), которую мнѣ обнаружили всѣ бывшіе сослуживцы по цензурѣ (особенно *сухой* предсѣдатель и *лукавый* Назаревскій), Грингмутъ, юноша Погожевъ, отчасти Дениска, Вл. Серг. Соловьевъ (все обнимаетъ и цѣлуетъ, и говоритъ: „ахъ! какъ я радъ Васъ видѣть!“) и двое новыхъ знакомыхъ, отставные нигилисты (Говоруха-Отрокъ и Л. Тихомировъ),—эта любовь заслужена, вѣроятно, какими-нибудь уживчивыми и ничтожными сторонами моего характера: „добрый малый“, „хорошій старикъ“ и т. д.

Но, приближаясь все болѣе и болѣе къ послѣднему дню расчета со всѣмъ земнымъ, хотѣлось бы знать, наконецъ, стоятъ ли чего-нибудь твои труды и твои мысли, или ничего не стоятъ! Такое упоминаніе моего имени, какое теперь, за послѣдніе два-три года, стало все чаще и чаще случаться, ни самому автору, ни читателямъ ничего не объясняетъ. „Великая заслуга указать на Болгаръ“ и т. д.; „блестящее изложеніе“; „самобытный умъ“; „оригинальный публицистъ“ и т. д. (и сумасшедшіе очень оригинальны, и всѣ уроды). А я бы желалъ, чтобы мнѣ самому люди умные объяснили, въ чемъ я дѣйствительно полезенъ, и въ чемъ только даровитъ, не заблуждаюсь... Мнѣ *самому*, для себя нужна честная и строгая критика!..

Собирается кой-кто теперь—послѣ моихъ прямыхъ укоровъ за это публичное молчаніе (при величайшихъ похвалахъ въ разговорахъ, гдѣ никогда почти систематически нельзя высказаться)—Юр. Николаевъ (Говоруха), Вл. Серг. Соловьевъ и т. д. Посмотримъ!

„Чародѣй“ Вашъ неожиданно оказался со мной въ Москвѣ, переписанный Вашей рукою, а также и стихи на Оптину Пустынь. Когда я послалъ Вамъ телеграмму, я думалъ, что тетрадка эта осталась въ Оптиной, и уговаривался съ Бергомъ выслать ее отсюда. Когда же она случайно попала мнѣ подъ руку, и я прочелъ Бергу оба стихотворенія,—онъ остался недоволенъ ими, нашелъ, что слабы, и отказался! Я этого не нахожу, Вы знаете; но, быть можетъ, я пристрастенъ. Говорилъ и читалъ Соловьеву, который!

имѣсть вліяніе на Цертелева; онъ было и взялся, но предупредилъ, что Цертелевъ къ стихамъ вообще очень придирчивъ и во вкусахъ своенравенъ,—я и это дѣло бросилъ. Не судьба пока...

Хорошо бы Вамъ издать сборникъ Вашихъ стиховъ, и тогда Вамъ самимъ станетъ яснѣе, какова ихъ цѣнность. О стихотворныхъ сборникахъ всегда бываютъ отзывы... Кто знаетъ! Быть можетъ, мы съ Астафьевымъ и въ самомъ дѣлѣ оба къ Вамъ сердцемъ пристрастны, и это вліяетъ на умъ. „Чуемъ“ въ Вашихъ стихахъ Вашу знакомую намъ благородную, любящую и честную душу,—и они намъ нравятся. А чужой Вамъ сердцемъ человѣкъ будетъ строже и, кто знаетъ, быть можетъ, и правѣе насъ.

Замараевъ въ Москвѣ; но мы не успѣли видѣться; онъ очень поздно узналъ, что я тутъ, и, какъ нарочно, долженъ былъ уѣхать въ это самое время на нѣсколько дней изъ Москвы.

Съ Астафьевымъ мы встрѣтились разъ на улицѣ и разъ случайно въ Цензурномъ Комитетѣ; говорили кой-что; но другъ у друга не были. И далъ почувствовать ему, что я этого не желаю. Опасаясь согрѣшить какиминибудь рѣзкими объясненіями, я предпочелъ не забывать Евангельскаго правила—удаляться отъ *соблазновъ* и отъ *искушеній*, а не напрашиваться на нихъ, въ самолюбивой надеждѣ на свою выдержку, кротость, твердость и т. д. Его статья противъ меня (лѣтомъ въ „*Московск. Вѣдом.*“) была до того бѣшеная, ядовитая, не великодушная, а по мнѣнію Вл. Серг. Соловьева и прямо *хамская* (это не мое обычное слово, а въ самомъ дѣлѣ Соловьева), что надо дивиться, какъ онъ, при своей чуткой совѣсти, не пришелъ ко мнѣ съ дружескимъ и честнымъ покаяніемъ. Соловьевъ особенно „хамскимъ“ находитъ укоръ его мнѣ въ томъ, „что я не особенно *извѣстенъ*“... И правда, что это некрасиво. Если человѣкъ, лично намъ близкій и дружественный, ошибся въ своемъ призваніи и *малоизвѣстность* его заслужена, то (все при личной дружбѣ) это подло; въ больное мѣсто не бьютъ честные бойцы,—особенно тѣхъ, съ кѣмъ у нихъ и домашнія отношенія были самыя теплыя. Если же человѣкъ заслуживаетъ извѣстности, но не пользуется ею по невниманію или по недобросовѣстности критики, то укорять его-то этимъ за что же?

Всѣ находятъ, что мое возраженіе въ „Грижд.“ было очень добродушное и умѣренное. Да еще бы и не быть ему такимъ! Я такъ боялся его обидѣть, я такъ помнилъ и о вѣчно разстроенныхъ дѣлахъ его, и о добротѣ Матрены Ивановны, и о несчастной слабости его къ вину, и о разныхъ претензіяхъ его, которыя не только мнѣ не противны, но даже нравятся,—что я больше мѣсяца не рѣшался отвѣтить ему на его первую и вовсе безтолковую замѣтку (въ „Русск. Обзор.“), молился, благословлялся у старца, возилъ читать Оболенскому, который, видя, что я и оправдать себя хочу и его трепещу унизить, совѣтовалъ мнѣ еще кой что смягчить. И вотъ, въ отвѣтъ на эту-то мою замѣтку, онъ напечаталъ въ „Моск. Вѣд.“ такую статью, что жена Боборыкина, прочитавши ее, сказала: „Ужъ не пьяный ли онъ это писалъ?“

Такъ какъ всѣ почти общіе знакомые наши въ этомъ „инцидентѣ“ и теоретически (т. е. по содержанію полемики) и еще болѣе морально—за меня, то ужъ мнѣ теперь его и жалко,—хотя одобрить поступка его никакъ нельзя, даже и при строжайшемъ безпристрастіи.

Тѣмъ болѣе жалко его, что онъ опять сумѣлъ поставить себя въ очень трудное положеніе: оставилъ цензорство для Лицея, а изъ Лицея его выжилъ гр. Капнистъ. И онъ теперь живетъ надеждами на доцентуру въ Университетѣ (которую устроилъ, говорятъ, ему Гротъ). Доценту надо быть занимательнымъ и краснорѣчивымъ: ну, а его скучную манеру Вы знаете!

Богъ съ нимъ! Я все таки его жалѣю и люблю, — и если бы у него достало мужества *прокартавить* мнѣ: „батюска! я знаю самъ, что я свинство сдѣлалъ“, то я бы отъ души его прижалъ къ груди моей!..

Это было бы такъ просто! Вотъ былъ бы случай исполнить особаго вида „высшій долгъ“!..

Ну, когда же Вашимъ экзаменаціоннымъ мытарствамъ конецъ? Остаются ли Вы вѣрны Вашему рѣшенію пріѣхать ко мнѣ зимою? Многіе зимою собираются: Соловьевъ, Тихомировъ, Говоруха-Отрокъ на Святки непременно, студентикъ Погожевъ... Увидимъ, кто исполнитъ!..

А у насъ здѣсь важная новость: от. Исаакій (архиман-

дирить) умираеть,—вчера первый ударъ, сегодня—еще хуже. Переворотъ большой для обители. Все измѣнится. Для меня же, по правдѣ сказать, все равно. Къ нему я равнодушень лично; для Оптиной особенно полезнымъ его не считалъ (*слишкомъ купецъ*); а со всѣми возможными преемниками его я настолько хорошъ лично, что за себя мнѣ опасаться нечего. Если же Вы спросите меня, котораго изъ этихъ возможныхъ преемниковъ я считаю лучшимъ, то я прямо скажу: ни одного; „всѣ хуже“... Для Оптиной въ наше время нуженъ игумень образованный: а такого человѣка между оптинскими іеромонахами нѣтъ. Есть дѣловые, добрые, практически умные; но всѣ, за исключеніемъ скитовачальника отца Анатолія, *жулики* по роду и по духу. И посмотрите, что именно от. Анатолія-то они и не выберуть. Не выберуть потому, что слишкомъ *идеаленъ*; а они, эти старшіе здѣсь, хоть и честные, искренніе монахи въ своей специальной сферѣ, но въ дѣлѣ управленія помѣшаны на хозяйствѣ; а о томъ, какую историческую великую роль играетъ въ XIX вѣкѣ въ Россіи Оптина пустынь и какъ важно для *мірянь* ея *идеальное* вліяніе, они мало думаютъ. Они всѣ не ясно понимаютъ, что кругомъ ихъ на свѣтѣ теперь дѣлается; а живутъ мысляю все по „старинной простотѣ“: внѣшніе, тѣлесные труды монашества да хорошее хозяйство—вотъ и ладно... Конечно, пока от. Амвросій живъ, онъ все будетъ озарять и согрѣвать, —но вѣдь и ему 79-ый годъ!

Ну, прощайте: обнимаю Васъ.

Вы пишете, что у Васъ нѣтъ трехъ первыхъ главъ моей статьи „Добрыя вѣсти“. Поищу и пришлю Вамъ вмѣстѣ съ оттисками моей статьи „Анализъ, стиль и вѣянье“.

Кланяйтесь Авдотѣ Тарасовнѣ.

К. Леонтьевъ.

Письмо III.

26 октября 1890 г. Оптина пустынь.

Я такъ теперь занятъ, милый мой Анатолій Александровичъ, что не приключись мнѣ сегодня неожиданная бевсонница, то я не собрался бы Вамъ отвѣтить раньше первыхъ чиселъ ноября на Ваше послѣднее письмо изъ Ярославля (14 октября). Но это, конечно, не мѣшало мнѣ чрезвычайно обрадоваться добрымъ вѣстямъ на счетъ Вашего второго

экзамена... Вотъ это хорошо! Ну, а русскій языкъ, сербскій и польскій, конечно, сдадите. Самое главное и самое трудное все кончено, слава Богу!

Вы, вѣрно, о сю пору что-нибудь думаете о диссертациі? Интересно бы мнѣ: какую Вы тему выберете? Конечно („обязательно!“) изъ русской литературы,—но какого періода?

Не знаю, годится ли это, но мнѣ кажется, хорошо бы разобратъ съ литературно-исторической (и даже отчасти психологической) стороны Четви Минеи Дмитрія Ростовскаго,—разобратъ въ томъ смыслѣ, чтобы сравнить и *житія* Святыхъ Русскихъ со Святыми Греческими (и Римскими, конечно, вошедшими туда же), т. е., какъ они, житія, написаны, и, еще лучше, *самихъ святыхъ*, ихъ *характеры*. Конечно, выйдетъ для насъ не слишкомъ лестно, ибо, если *святость* равная, то ужъ *творчество* родовъ подвижничества (одиночество, общежительство, столпничество, юродство, странничество и т. д.) будетъ все на сторонѣ Византійцевъ; наши Святые только повторяли ихъ, такъ сказать, избрѣтенія на аскетическомъ пути?

Или, можетъ быть, это слишкомъ трудно еще въ Ваши года? Или для той кафедрѣ, которую Вы имѣете въ виду, не годится? Не знаю. Вамъ лучше это знать.

На счетъ „Чародѣя“—что сказать? Конечно, я *подкупленъ*; но все таки надѣюсь, что и лестную для меня вещь назвалъ бы слабой, если бы она мнѣ такую казалась. (Нахожу же я статью Портъе д'Арка — Чернова — слабой и до сихъ поръ укоряю себя за то, что *допустилъ* Васъ до труда надъ нею!). „Чародѣя“ не я одинъ находилъ сильнымъ, — помните, что Астафьевъ Вамъ говорилъ? Вл. Соловьевъ зналъ его давно и въ этотъ разъ еще прослушалъ его, хотѣлъ говорить о немъ Цертелеву, но предупредилъ меня, что Цертелевъ на счетъ стиховъ очень разборчивъ и придирчивъ даже. Тогда я сказалъ себѣ: „Больше не мѣшаюсь въ это! Пусть Александровъ самъ пробуетъ; а мнѣ *рѣшительно неловко*; будь это не „Чародѣй“, а что-нибудь другое — иной разговоръ. Александровъ и самъ уже пользуется достаточнымъ уваженіемъ, и можетъ самъ вступать въ переговоры.

А Берга я и не разберу, хотя и давно его знаю. Онъ очень твердый человекъ *вообще*, и съ убѣжденіями; но въ частныхъ случаяхъ онъ очень перемѣнчивъ и мнителенъ.

Не пойму его. Онъ и со мной таковъ. Ну, а чтобы онъ былъ особенно непріятель, какъ говорить Феть, я этого не нахожу.

Я увѣренъ, что Вы спрашиваете, чѣмъ же это Конст. Никол. теперь такъ занятъ: „романомъ или чѣмъ еще?“ Увы! Романъ пока отложенъ... Другимъ,—а чѣмъ, не скажу! Увидите сами... Я не виноватъ, что Вы, повидимому, ничего въ Ярославль не читаете,—ни даже „*Моск. Вѣдом.*“? Иначе Вы бы увидали, что *мы наговорили* въ июнь (№ 177) Петръ Евгениевичъ... Увидали и изумились бы и бѣшенству его и туманности объясненій. Или ужъ сказать? Нѣтъ, подожду, а то придется много распространяться... Скажу только, что будетъ вовсе не простая полемическая статья. (Я этого терпѣть не могу—и Васъ *заклинаю* воздерживаться отъ личной полемики). Нѣтъ, это будетъ нѣчто похитрѣе и позатѣйливѣе.

Должно быть, Вамъ вовсе некогда было читать?

Получаете ли Вы *либерально-панславистическій „Вой“*, подъ именемъ „*Благовѣста*“? И сами приглашены ли въ немъ участвовать? *Не брезгайте, но и не уступайте.* Фудель уже печатаетъ тамъ, и сразу сказалъ имъ, что настоящіе продолжатели славянофильства—Вл. Соловьевъ и я. Да еще и очень рѣзко. Они приглашаютъ его *доказать* это. Посмотримъ.

О Кристи извѣстія плохія. Его видѣли люди на Кавказѣ,—*сбивается, заговаривается*... Вотъ печальная судьба! Я каждый день объ немъ *думаю*. Такъ жалко, что и вѣрить не хочется! Самъ онъ съ весны пересталъ мнѣ писать...

Когда получу изъ Петербурга оттиски моей статьи „*Анализъ*“ и т. д., вышлю Вамъ. А пока прощайте. Обнимаю, цѣлую и люблю.

Авдотьѣ Тарасовиѣ и отъ меня, и отъ жены, и отъ Вари—поклонъ и привѣтъ.

Александръ служить съ августа урядникомъ. Мы его очень рѣдко видимъ; очень занятъ; да и товарищи, должно быть, больше доставляютъ ему развлеченія, чѣмъ жена (т. е. Варя) и я. Слава Богу, Варя ничуть не горюетъ объ этомъ и со мной да съ Лизаветой Павловной нисколько не скучаетъ. Да, утѣшилъ Господь меня этой молодой женщиной. „*Благослови, душе моя, Господа и не забывайъ всѣхъъ воздаяній Его!*“

Архимандриту (Вы спрашиваете о немъ) получше; ходить; но, конечно, непрочетъ. 82-й годъ!

Вашъ неизмѣнный

К. Леонтьевъ.

Р. S. Вспомнилъ, что у меня случился лишній экземпляръ № 5 „Благовѣста“,—и вкладываю въ письмо тотъ листикъ, гдѣ нашъ от. Иосифъ показаль зубы *либеральнымъ* славянофиламъ. Прочтите. Меня это утѣшило!

Письмо LIII.

26 февраля 1891 г. Оптина Пустынь.

Дорогой Анатолій Александровичъ!

Сейчасъ только получилъ Ваше письмо изъ Москвы отъ 23 февраля, и спѣшу поздравить съ полнымъ окончаніемъ экзаменовъ. Лизавета Павловна и Варя также поздравляютъ и радуются.

А я третьяго дня, какъ нарочно, отправилъ Вамъ въ Ярославль тоже открытое письмо съ укорами за забвеніе и долгое молчаніе. Неужели вы въ Ярославлѣ не получили моего довольно большого письма о П. Е. Астафьевѣ? Или пропадаютъ письма? Я отъ Васъ также давнымъ давно не получалъ. *Очень* желаю, чтобы Васъ оставили въ Москвѣ и даже эти дни буду думать о средствахъ этому способствовать. Буду писать подробнѣе на первой недѣлѣ поста. А теперь занять для „Гражданина“. Авдотѣ Тарасовнѣ—отъ всѣхъ насъ поклонъ.

К. Леонтьевъ.

Р. S. Здоровье—ни шатко. ни валко.

Письмо LIV.

15 марта 1891 г. Оптина Пустынь.

Вчера Вы, милый Александровъ, *очень* порадовали меня Вашимъ письмомъ о привать-доцентурѣ Вашей, о „Максимѣ Грекѣ“ и т. д. Вы спрашиваете моего совѣта: *разумеется*, надо ѣхать въ Петербургъ! На гр. Капниста и на ректора (??) я что-то не очень надѣюсь; опасаясь, что у этихъ людей могутъ быть свои *мстныя* личныя пристрастія. Какъ только увидите, что можете ѣхать, такъ сейчасъ и заблаго-

временно напишите мнѣ заказное открытое письмо—два слова: „Тогда-то ѣду въ Петербургъ“. Я сейчас же напишу гр. Десянову, что Вы „тотъ самый Александровъ, котораго я рекомендовалъ для стипендіи и который оправдалъ экзаменами мою рекомендацію“. Въ такой формѣ это и министру можетъ доставить удовольствіе. Сверхъ того, я дамъ Вамъ рекомендательныя *карточки*—Филипнову, Мещерскому и кой-кому еще. Вотъ и все. Но прошу Васъ позаботиться объ этомъ заранѣе, чтобы мнѣ осталась для теперешней усталости и медлительности моей, *на крайней мѣрѣ, недѣля*. Я всѣ мои обѣщанія, какъ знаете, исполняю; но спѣшить мнѣ стало во всемъ тяжело. Къ тому же теперь и Постъ, а онъ моему малокровію не дешево достается!

Отчего же Вы не порадуете меня обѣщаніемъ пріѣхать сюда на каникулы? Неужели опять „кондиціи“? Ахъ, дружокъ, надо бы, надо бы Васъ опять „позарядить кой-чѣмъ“... А то, Богъ дастъ, устроитесь, начнете опять пописывать понемножку и пойдете опять „басить“: „Гаршинъ, Короленко, Макарь, Тойонъ, Достоевскій, Достоевскій“,—и все будете у разныхъ „пороговъ“ осмотрительно пріостанавливаться, нерѣшаясь, „шапка на бекрень“, перешагнуть черезъ нихъ. (Въ статьѣ Вашей о Гаршинѣ, которую я храню и недавно еще перечелъ внимательно, есть 3—4 такихъ *порога*, за которыми Вы остались; въ жизни, я нахожу, Вы несравненно смѣлѣе, чѣмъ въ литературѣ).

На счетъ *давняго* письма моего въ Ярославль и печальныхъ статей, которыми мы обмѣнялись съ Астафьевымъ, теперь мнѣ все ясно. Я объ *нихъ-то* и спрашивалъ,—и доволенъ, что Вы ихъ получили. Я посылалъ ихъ и Кристи (которому, слава Богу, судя по послѣднему, очень толковому, письму, теперь гораздо лучше),—и онъ гораздо болѣе Васъ вознегодовалъ на Петра Евгеніевича. Вы же—*молчокъ*. Можетъ быть, съ точки зрѣнія высшаго христіанства Вы и правы; ну, а по моимъ немощамъ, негодованіе Кристи доставило мнѣ гораздо больше удовольствія, чѣмъ Ваше равнодушіе и молчаніе. Я нахожу даже, что Кристи къ нему ужъ слишкомъ строго отнесся въ этомъ случаѣ, и хочу въ отвѣтъ моему даже заступиться за него. Небось, *пьяный* писалъ.

Ну, Господь съ Вами! Авдотью Тарасовну благодарю и отъ

домашнихъ моихъ и отъ себя за добрую память. Небось, она рада возвратиться въ Москву?

На счетъ Вашихъ больныхъ (Марія и Аркадія) сегодня же батюшкѣ написалъ записку.

Обнимаю крѣпко!

Будьте здоровы, и да хранитъ Васъ Господь милосердый!

К. Леонтьевъ.

P. S. Не хотите ли полюбопытствовать—прочеть новую статью мою въ 4 №№ „Гражданина“ (№№ 64, 65, 66, и 67, мартъ). Авось либо въ Москвѣ достанете.

Если добьюсь отъ безпорядочнаго князя Мещерскаго нѣсколько экземпляровъ, то непременно Вамъ вышлю. Но отъ него деньги скоро приходятъ, а ужъ №-а не скоро дождешься!

Т. И. Филипповъ въ восторгѣ, и пишетъ, что министръ Внутреннихъ Дѣлъ обратилъ на нее особое вниманіе Государя, по „ея государственному значенію“. Дай Господи! „Не по грѣхамъ нашимъ воздалъ еси намъ“! Только и тутъ „Гражданинъ“ не обошелся безъ опечатокъ: въ IV' статьѣ напр., напечатано про I. Хр. „Учитель Новой Земли“—вмѣсто „Учитель Новой Вѣры“... Обратите на это вниманіе. Заглавіе: „Записки отшельника.—Надъ могилой Пазухина“.

Письмо LV.

25 апрѣля 1891 г. Оптина Пустынь.

Воистину Воскресе, дорогой и добрый другъ мой Анатолій Александровичъ! Вы очень обрадовали меня своимъ намѣреніемъ пріѣхать лѣтомъ въ Оптину; но Ваши обстоятельства своей неопредѣленностью тревожатъ меня. Да.—Вамъ необходимо побывать къ осени въ Петербургѣ. Постараюсь пригодиться Вамъ. Но можетъ быть и то, что *полезные намъ люди* будутъ въ Москвѣ на французской выставкѣ еще раньше. Понимаете, *какіе люди?* *Слѣдите за этимъ.* Это лучше всего.

Не думайте, что я измѣнился въ чувствахъ, оттого что теперь не пишу большого письма. Вѣрьте, обремененъ заботами, а силы все умаляются! Авдотѣ Тарасовнѣ ото всѣхъ насъ—поклоны и пожеланія.

Вашъ К. Леонтьевъ.

Р. S. Посылаю подъ бандеролью свою новую и дерзновенную статью.

Письмо LVI.

3 мая 1891 г. Оптина Пустынь.

Дорогой и добрый другъ мой Анатолій Александровичъ, на дняхъ къ Вамъ, вѣроятно, явится нѣкто Федоръ Павловичъ Чуфринъ, котораго рекомендую Вамъ съ самой хорошей стороны: и умомъ, и сердцемъ это юноша далеко недюжинный. Онъ хочетъ познакомиться съ Вами, какъ съ моимъ другомъ. Я поручилъ ему, между прочимъ, посоветовать Вамъ не унывать, что въ Петербургъ нельзя скоро ѣхать; ибо полагаю, что, благодаря французской выставкѣ, всѣ тѣ лица, отъ которыхъ прямо или косвенно можетъ зависѣть назначеніе Вамъ оклада ¹⁰⁰⁾, перебиваются на короткое время въ Москвѣ: и гр. Деляновъ, и Филипповъ, котораго поддержка, кажется, у Делянова много вѣситъ, и кн. Волхонскій (товарищъ министра), и даже Н. А. Любимовъ, которому Вы лично извѣстны. На кн. Волхонскаго можетъ, повидимому, имѣть вліяніе Влад. Серг. Соловьевъ, къ которому и совѣтую Вамъ безъ стѣсненія обратиться. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ. Что касается до министра Народнаго Просвѣщенія и до Т. И. Филиппова, то для перваго я прилагаю письмо, которое, по прочтеніи, надо подать, разумѣется не открытымъ, а *запечатаннымъ*; а для втораго—мою карточку съ рекомендаціей. Карточку надо открытую послать черезъ слугу, а потомъ уже являться. Что не выставлены число и мѣсяць, это не бѣда,—можете и сами выставить, а можно и такъ оставить. Не упустите только ихъ. На газеты не надѣйтесь—опаздываютъ; надо розыскать другія средства для того, чтобы Васъ своевременно извѣстили о приѣздѣ. Впрочемъ, Вы и сами ужъ не маленькій. А мнѣ остается только помолиться за Васъ; Я самъ, Вы понимаете, очень дорожу тѣмъ, чтобы Вы основались въ Москвѣ, поближе ко мнѣ. Буду съ радостью и сюда Васъ ждать! Пора! И не я одинъ, а и Лиз. Павл., и Варя. Онѣ обѣ поручаютъ мнѣ передать Авд. Тар. ихъ сердечные поклоны и поздравленія съ праздникомъ.

¹⁰⁰⁾ Какъ привать-доценту университета. А.

Лиз. Павл. все та же,—все непостоянна: то гнѣвъ, то скука, то радость по пустякамъ, то ненависть къ Оптиной, то примиреніе съ нею; все также добродушна и все также „психозна“! Иной разъ и тяжело таки намъ съ Варей приходится! Крестъ! И Варѣ больше, чѣмъ мнѣ. Я заслужилъ этотъ крестъ моимъ прошлымъ, а Варѣ—„въ чужомъ пиру похмелье“!

Варя третьяго (или четвертаго) дня родила еще мальчика; Николаемъ окрестили. Теперь у нихъ трое дѣтей: Маша, Сережа (2-й годъ) и этотъ. Ничего—здорова; только очень слаба; сама кормить не можетъ.

Я съ самой Страстной *писаніемъ* не занимался: то молитва, то „яйца“, то праздники, то хозяйство, то лѣнь и недуги.

Завтра думаю исправить статью для „Гражданина“—„Достоевскій о дворянствѣ“. Вы должны радоваться: я его хвалю тамъ (до извѣстной степени); Вы вѣдь все таки—его *поклонникъ*; тогда какъ мнѣ похвалить его вовсе не легко: я его „уродливыхъ“ романовъ терпѣть не могу; хотя и признаю ихъ достоинства.

Въ заключеніе письма, прибавлю, что мнѣ все что-то грустно послѣднее время: если Вы не забыли, что я Вамъ говорилъ о значеніи въ моей жизни годовъ 40—41, 50—51, 59—61, 70—71, 80—81, то Вамъ будетъ понятно то подавляющее дѣйствіе, которое имѣетъ на меня цифра 91! Жду все какаго-то событія, перелома въ жизни моей,—быть можетъ, и смерти...

Обнимаю—и прошу по-прежнему любить

Вашего К. Леонтьева.

P. S. Знакомы ли Вы со статьями Розанова въ „Русск. Вѣстн.“ и въ „Моск. Вѣдом.“?

Познакомьтесь, *прошу Васъ*, съ Говорухой-Отрокомъ, который пишетъ въ „Московск. Вѣдом.“ подъ именемъ Юрія Николаева. Мы съ нимъ прошлой осенью сошлись. У Васъ найдется много общаго, Онъ живетъ въ Кокоревской гостиницѣ, за Москвой-рѣкой.

П и с ь м о LVIII.

26 мая 1891 г. Оптиная пустынь.

Крѣпко обнимаю и благодарю милого моего „привать-доцента“ за поздравленіе!

Слѣжу, насколько умѣю, внимательно за спискомъ приѣзжихъ на выставку въ Москву важныхъ сановниковъ; но до сихъ поръ не видать ни Делянова, ни Филиппова, ни кн. Волхонскаго. Такъ что до сихъ поръ не имѣю утѣшенія знать, пригодились ли мои письма, карточки и совѣты. Буду ждать съ нетерпѣніемъ; надѣюсь, что не замедлите извѣстить...

Отчего бы Вамъ теперь, когда П. Е. Астафьевъ имѣетъ свою типографію (сказать мимоходомъ, все таки „хамство!“), не напечатать у него сборника Вашихъ стихотвореній? О томъ, чтобы были отзывы, хоть краткіе (въ газетахъ), я позабочусь и самъ, и черезъ другихъ. Подумайте.

Въ первыхъ числахъ іюня жду Фуделя, — получилъ отъ него предупрежденіе.

Думаю часто о бѣдномъ Ив. Ив. Кристи. Послѣднее письмо его (въ февралѣ) было довольно ясно и умно; но съ тѣхъ поръ не пишетъ вовсе; хотя я и ему посылаю вырѣзки своихъ статей изъ „Гражд.“, — впрочемъ, безъ писемъ. „Бѣднымъ“ я его называю не столько потому, что онъ былъ недавно такъ боленъ, — Богъ дастъ, поправится; но потому, что онъ ужъ слишкомъ какъ-то *связанъ* съ родными своими, — гораздо тѣснѣе, чѣмъ бы нужно для человѣка, годнаго въ хорошіе „дѣятели“. „Враги человѣку—домашніе его!“ Здѣсь это какъ разъ у мѣста. *Любя, враги будущности!*

Чуфринъ пишетъ, что былъ у Васъ и вынесъ самое пріятное впечатлѣніе изъ знакомства съ Вами.

Весьма возможно, что я послѣ Успеньева дня опять буду въ Москвѣ. *Нужно*. (Только не для дурацкой литературы; избави меня Боже отъ такого малодушія въ 60 лѣтъ! Не думайте этого)¹⁰¹⁾.

Жена моя и Варя сердечно благодарятъ Васъ за память.

¹⁰¹⁾ К. Н. Леонтьевъ уже рѣшилъ, цовидимому, къ этому времени принять тайный постригъ и задумывалъ переездъ изъ Оптиной Пустыни въ Сергіевъ посадъ, подъ свѣтъ Троице-Сергіевой Лавры. А.

У Вари теперь 2 мальчика уже; а жена моя все также шляется туда-сюда, мечтаетъ по-старому о путешествіяхъ, и то гнѣвается на всѣхъ, то помираетъ со-смѣху. Привыкъ, привыкъ, а все таки иногда очень тяжело видѣть въ такомъ грязномъ и униженномъ состояніи женщину, на которую когда-то *любовался* и которую любилъ не только сердцемъ, но и воображеніемъ, ибо *тогда* въ ней была дѣйствительная самородная, своеобразная, безыскусственная поэзія, а *теперь* остались своеобразный идиотизмъ и тоже весьма ужъ безыскусственная грязь и неряшество. Иногда—„ничего“; ну, а иногда—и *крестъ!!*

Недавно я получилъ изъ Москвы письмо отъ одного изъ лучшихъ Оптинскихъ монаховъ — отца Эраста (въ міру—Эрастъ Кузмичъ Выдропскій); отъ Амвросій послалъ его по одному важному монастырскому дѣлу. Онъ очень интересуется судьбой моихъ сочиненій (гораздо больше Вашего, *какъ оказывается*); зашелъ къ Салаеву и спросилъ о моихъ книгахъ. Ему сказали: „идуть!“ Я этого не ожидалъ, и даже не понимаю, откуда Салаевъ ихъ беретъ. Они всѣ („Востокъ. Россія и Славянство“, 2 тома) въ складѣ въ Цензурномъ Комитетѣ, подъ надзоромъ сторожа Якова Архипова и подъ контролемъ С. В. Залетова, старшаго секретаря Комитета. Они ничего мнѣ не пишутъ, и я опасуюсь, что у отъ Эраста съ прикащиками Салаева вышло какое-то недоразумѣніе. Не потрудитесь ли, Анат. Алекс., навести объ этомъ справки *поточнѣе*? Будьте такъ любезны! Прибавлю еще, что я поручилъ экземпляръ 20 на комиссію Васильеву, на Страстномъ бульварѣ. Хорошо бы у самого хозяина разспросить: онъ—порядочный человѣкъ и меня лично знаетъ.

Ну, до свиданія. Прекрасно было бы, если бы Вы побывали *здѣсь* раньше августа, — ибо мой планъ — еще только планъ и больше ничего.

Профессоритъ отъ меня, жены и Вари—искренній привѣтъ.
Обнимаю еще разъ.

Вашъ К. Леонтьевъ.

P. S. Недавно пересматривалъ Вашу статью о Гаршинѣ, и опять остался недоволенъ *недомолвками* и вредными *осторожностями*. Увѣряю Васъ, что это *бѣда* для критика: все *лучшее*, все *свое* такъ въ *душѣ* и *останется!*.

Письмо LVIII.

19 июля 1891 г. Оптина пустынь.

Голубчикъ Анатолій Александровичъ!

Если Вы уже въ Москвѣ, то поскорѣ извѣстите меня на отвѣтномъ бланкѣ. Я хочу просить Васъ сдѣлать за меня два *тѣла* (*нелитературныхъ*). Получивъ извѣстіе, напишу закрытымъ письмомъ.

Вас. Вас. Розановъ живетъ теперь подъ Москвой, на Воробьевыхъ горахъ, дача И. А. Фролова, — и, вѣроятно, пробудетъ до возобновленія лекціи (до 15 августа?).

Вашъ К. Леонтьевъ.

Р. S. 20 июля. Получилъ письмо отъ Розанова. Переводится въ г. Бѣлый, Смоленской губерніи; пишеть еще, видимо, изъ Москвы. Онъ, должно быть, весьма неакуратенъ.

Письмо LIX.

4 августа 1891 г. Оптина пустынь.

Вчера получилъ Ваше письмо изъ Скрылевки. Не знаяши, что Вы уѣхали изъ Москвы, писалъ недавно туда два слова, — и, конечно, отвѣта не получилъ. Пока живемъ день за день.

*Secundo Septembrio abeo (?) in Sanctum Tr.-Sergium. Pecunia habes satis*¹⁰²⁾. (Какова латынь! И то Погожевъ помогалъ). Поэтому — до свиданія!

У меня до 16 августа гоститъ Погожевъ. Филипповъ былъ, но всего сутки. Вл. Соловьевъ обѣщаетъ гостить у Оболенскаго въ сентябрѣ.

Вашъ К. Леонтьевъ.

Письмо LX.

8 сентября 1891 г. Сергіево-Троицкій посадъ.

Дорогой Анатолій Александровичъ, я было думалъ, что сегодня меня посѣтитъ кто-нибудь изъ московскихъ друзей, — однако, прогадалъ! А именно вначалѣ-то моего сюда переселенія особенно сильно чувствуется не только одиночество

¹⁰²⁾ Переводъ: „2 сентября отправляюсь въ Троице-Сергіевскую лавру. Денегъ у меня достаточно“. Латынь объясняется тѣмъ, что писано въ открытомъ письмѣ. А.

(это такъ ужъ и быть бы!), но и совершенная *физическая* беспомощность моя! Мой Егоръ ничего еще не знаетъ, и можетъ быть полезенъ только для услуженія и мелкихъ покупокъ. А между тѣмъ необходимо же къ октябрю искать квартиру,—во первыхъ, для себя, а можетъ быть и другую (попроще) для Лиз. Павл. и Вари. Кто будетъ ходить или ѣздить? Погода испортилась, видимо, надолго; кашель мой хуже; я даже и въ Церковь уже не могу ходить, — и, по всѣмъ признакамъ, зимній „затворъ“ уже начался раньше обычнаго. Я разсудилъ, что мнѣ лучше всего выписать сюда на нѣсколько дней Александра изъ Мазилова. Почта у нихъ съ половины августа закрывается, и прямого сообщенія для писемъ нѣтъ; но есть у Дорогомилдовской заставы лавка нѣкоего И. И. Трусова, черезъ котораго письма доходятъ къ Мазилово очень вѣрно. Третьяго дня я и послалъ черезъ него *заказное открытое* Александру съ приглашеніемъ или пріѣхать, сюда поскорѣе, или, если нѣтъ вовсе денегъ, то отвѣтить мнѣ поскорѣе; я вышлю ему на дорогу... Сегодня ждалъ его,—нѣту! Терять времени нельзя по многимъ причинамъ, которыя касаются не только меня, но и Вари съ дѣтьми. Поэтому прошу Васъ, голубчикъ Ан. Ал., сѣѣздите къ этому Трусову въ лавку, узнайте все о письмѣ и попросите его, нельзя ли какъ-нибудь ускорить пріѣздъ Александра. Если нужны деньги, дайте ему, пожалуста, рубля 2—3. На возвратномъ пути Александръ привезетъ Вамъ.

У меня денегъ достаточно, слава Богу; но денежное письмо позднѣе получите; а мнѣ ужъ, право, становится тягостно болѣе недѣли сидѣть взаперти и знать, что время идетъ къ холодамъ, а и квартира все не ищется, и судьба семьи на эту зиму не рѣшается... Вотъ почему и день одинъ дорогъ.

Передайте также прилагаемую записочку Ѡ. П. Чуфриня. Не знаю навѣрное, по старому адресу ему писать или по другому.

Все дѣловыя да хозяйственныя письма теперь... О чувствахъ и объ идеяхъ поговорю изустно—съ тѣмъ, кто постытитъ меня. А теперь писать ни о чемъ, кромѣ дѣлъ, не могу! Впрочемъ, и батюшка отъ Амвросія говорить, что о тѣлѣ (т. е. о необходимомъ) надо всегда прежде позаботиться, потому что и Богъ прежде создалъ тѣло, а потомъ душу.

Да вотъ еще двѣ просьбы: 1) Когда возьму квартиру, не согласитесь ли Вы вмѣстѣ съ Авдотьей Тарасовной поискать для меня мебель у Сухаревой башни? Тогда мнѣ яснѣе будетъ, сколько чего нужно.

А 2) не пришлете ли Вы мнѣ чего-нибудь почитать? Читаю духовное каждый день, да день-то длинень, — хочется и свѣтскаго. Пришлите посылкой — и напишите, сколько стоитъ. Очень хочется давно съ *былинами* русскими основательно познакомиться; не устроите ли Вы мнѣ это?

Обнимаю Васъ крѣпко. Хотѣлось бы о многомъ и многомъ поговорить, — между прочимъ, о статьѣ Юрія Николаевича противъ Мечникова. Очень остро и искусно! Это замѣчательно, что *орудіе насмѣшки* мало по малу перешло въ наши руки. А долго было наоборотъ. Дай Богъ!

Какъ мнѣ жаль, что бѣдная Александра Георгиевна¹⁰⁸⁾ такъ опасно больна! Вообразите, я въ 1870 году видѣлъ, какъ ее крестили въ Корфу. Авинскій митрополитъ, суровый старикъ въ прекрасномъ бѣломъ глазетовомъ облаченіи, пожертвованномъ изъ Россіи, вынулъ крѣпкую, красную дѣвочку изъ купели и поднялъ ее кверху, обращаясь къ толпѣ. И всѣ закричали: „зито!“ Въ церкви, впрочемъ, были только все именитые и чиновные люди, а народъ наружи. Но когда народъ услышалъ нашъ крикъ, то и вся площадь тоже закричала: „зито!“ И на портретъ — невѣстой — она очень мнѣ понравилась... А теперъ — вдругъ умереть! Очень жалко!

Вашъ К. Леонтьевъ.

Письмо LXI.

2 октября 1891 г. Сергіевъ Посадъ.

Голубчикъ Анатолій Александровичъ. Вы живете близко отъ угла Пречистенки и Зубовскаго бульвара, на которомъ домъ Лихутиной и квартира матери Влад. Серг. Соловьева: онъ у нея всегда и живетъ, когда бываетъ въ Москвѣ. Зайдите туда, если возможно (разумѣется), безотлагательно и узнайте, уѣхалъ онъ или нѣтъ. И если уѣхалъ, то куда? Если же онъ въ Москвѣ, то выручите, наконецъ, у него мою рукопись (3 первыя главы статьи, запроданной ужъ

¹⁰⁸⁾ Великая Княгиня, супруга Великаго Князя Павла Александровича. А.

годъ тому назадъ Цертелеву. Вы, кажется, ее знаете? Не помню). Онъ въ „Парижѣ“ (бывшей гостиницѣ Шевалдышева) не засталъ меня дома и оставилъ карточку съ надписью: „Рукопись Ваша нашлась. Куда Вамъ ее выслать?“ Служитель мой отдалъ мнѣ эту карточку въ прошлый четвергъ, а я въ прошлую же пятницу, возвратившись сюда, написалъ Соловьеву, чтобы онъ высылалъ ее мнѣ скорѣе, и съ адресомъ. И вотъ ровно недѣля, а *рукописи я еще не получаю!* Не знаю, что и подумать. Это дѣло, какъ заколдованное, цѣлый годъ не кончается! Пожалуста, помогите.

Около 10—12 октября я надѣюсь перейти внизъ, на известную Вамъ квартиру ¹⁰⁴⁾, и тотчасъ же приняться за занятія. Конечно, если къ тому времени эта рукопись не окажется въ моихъ рукахъ, я, въ крайности, начну готовить статью для „Русскаго Обозрѣнія“ и по черновой. Но все таки не хотѣлось бы прибѣгать къ этой крайности, ибо многое,—кажется, лучшее,—прибавлено было прямо на бѣло.

Что за странный сталъ этотъ человекъ—Соловьевъ!?

Что же Ѳед. Павл. не далъ мнѣ своего адреса? Старый, съ 3 номерами дома у Петровскихъ воротъ, у меня цѣль, но я не знаю, тамъ ли онъ или перемѣнилъ. Я много о немъ думаю и даже тревожусь за него,—тѣмъ болѣе, что ничего *сейчасъ* еще не придумалъ для него сдѣлать; но молю Бога, чтобы Онъ и его подкрѣпилъ и мнѣ доставилъ бы случай вывести его на дорогу.

Думалъ и объ Васѣ. И нахожу, что Вы напрасно медлите писать Любимову ¹⁰⁵⁾. Если уже рѣшено, что писать ему можно, то зачѣмъ же откладывать до Рождества? Пока Вы будете собираться, эту сумму назначать другому, и Вы будете наказаны за Ваше, по моему, необъяснимое кунктаторство. Впрочемъ, можетъ быть, есть условія, о которыхъ Вы мнѣ не говорили? Не знаю.

Авдотьѣ Тарасовнѣ—мой привѣтъ. Вашъ К. Леонтьевъ.

Письмо СХІІ.

17 октября 1891 г. Сергіевъ Посадъ.

Милый другъ, Анатолій Александровичъ! Вѣсть о кончинѣ от. Амвросія не застала меня въ распλοхъ: я *давно*

¹⁰⁴⁾ Въ новой лаврской гостиницѣ. А.

¹⁰⁵⁾ Объ окладѣ за приватъ-доцентуру. А.

уже приучилъ мою мысль къ этой утратѣ. Онъ былъ симптомъ уже слабъ, чтобы можно было надѣяться на продолженіе его жизни. Разумѣется, ни одинъ духовникъ уже не можетъ мнѣ замѣнить его. Будемъ *такъ* доживать нашу грѣшный вѣкъ! Чуфринъ уѣхалъ въ Оптину. *Рукопись* получила¹⁰⁶⁾.

*Марлю*¹⁰⁷⁾ не высылайте,—подождемъ случая. Спасибо Вамъ. А у меня лихорадка¹⁰⁸⁾; едва хожу; не знаю, что *тѣтъ*,—все не подходитъ... И, по правдѣ сказать, порядочно таки тоскую отъ этого.

Вашъ К. Леонтьевъ.

Письмо LXIII.

22 октября 1891 г. Сергіевъ Посадъ.

Дорогой Анатолій Александровичъ! Нельзя ли какъ и-нибудь достать для меня *подлинникъ ужаснаго реферата Вл. Серг. Соловьева*¹⁰⁹⁾? Читаю въ „*Моск. Вѣд.*“, и глазамъ своимъ все не хочу вѣрить! Неужели? Неужели? Такъ все *прямо* и *дерзко*—въ Россіи 90-хъ годовъ?! И ни у кого не найдется силы какъ слѣдуетъ отвѣтить!

К. Леонтьевъ.

Письмо LXIV.

23 октября 1891 г. Сергіевъ Посадъ.

Я думаю, съ тѣхъ поръ, какъ я переѣхалъ къ Троице-Сергію, Вамъ, милый доцентъ, стало много труднѣе жить на свѣтѣ... Того и гляди, опять письмо отъ меня, если не прямо съ „комиссіей“ какой-нибудь, то все таки съ какой-нибудь просьбой, требующей отвѣта. И это, конечно, нарушаетъ

¹⁰⁶⁾ Ту самую рукопись, о которой шла рѣчь въ предыдущемъ письмѣ (по поводу полемики съ П. Е. Астафьевымъ). Мнѣ принесъ ее Вл. С. Соловьевъ для передачи К. Н. Леонтьеву.

¹⁰⁷⁾ Не задолго до этого письма я былъ у К. Н. въ Сергіевомъ посадѣ, и онъ просилъ меня купить ему для занавѣсокъ на окна голубой марли. Исторія поисковъ и покупки этой марли рассказана мною въ сборникъ „Памяти К. Н. Леонтьева“. Спб. 1911 г. А.

¹⁰⁸⁾ Это было начало воспаления легкихъ, отъ котораго К. Н. 12 ноября скончался, такъ и не переживъ „рокового“ 1891 г. А.

¹⁰⁹⁾ Рефератъ этотъ прочтенъ былъ въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ. А.

олимпійское и мудрое равновѣсіе Вашего духа. Что жъ дѣлать! И дружба имѣетъ свои тернія!

Только что вчера послалъ Вамъ открытое письмо о „рефератѣ“ Соловьева, какъ уже пишу другое... На этотъ разъ главнымъ дѣломъ о Чуфринѣ.

Пожалуста, какъ только онъ пріѣдетъ, такъ попросите его пріѣхать ко мнѣ дня на три. И если онъ изъ Оптиной привезетъ съ собою какую нибудь новую статью, о похоронахъ ли от. Амвросія или о чемъ-нибудь вообще до него касающемся, то пусть привезетъ мнѣ для отправки въ „Гражданинъ“. Вѣдь печатать по разнымъ газетамъ выгодноѣ для большаго прославленія имени нашего общаго духовнаго благодѣтеля.

Въ „Гражд.“ до сихъ поръ не было *ничего*,—вообразите! Не знаю, что жъ дѣлаютъ въ Оптиной всѣ эти Шидловскіе, отцы Эрасты и т. д. И въ Шамардинѣ есть образованныя монахини! Удивительно!

Объ *рефератѣ* Соловьева не беспокойтесь больше. Вчера узналъ, что онъ будетъ напечатанъ въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“.

Эта исторія меня сильно поразила и огорчила!..

Всѣ мы (и я прежде всѣхъ!) безсильны, и нѣтъ у Православія истинно хорошихъ защитниковъ. Юрій Николаевичъ (спаси его Господи!) бьется почти что одинъ. Но и его возраженія очень недостаточны.

Неужели же нѣтъ никакихъ надеждъ на долгое и глубокое возрожденіе Истины и Вѣры въ несчастной (и *подлой*!) Россіи нашей?.. Не знаю, что и подумать, и *презвычайно* скорблю!..

Возражать самъ, по многимъ и важнымъ причинамъ, не могу. Перетерлисъ, видно, „струны“ мои отъ долготерпѣнія—и безъ *своевременной* поддержки... Хочу поднять крылья—и *не могу!* Духъ отошелъ! Но съ самимъ Соловьевымъ я послѣ этого ничего и общаго не хочу имѣть... Жду только прочесть рефератъ, чтобы написать это ему.

И ни отъ кого другого не жду такого возраженія, *какое* нужно!

А нужно вотъ какую постановку—*прямую*:

1) Да, забота о личномъ спасеніи души есть трансцендентный *эгоизмъ*; но кто вѣрять въ Евангеліе и Св. Троицу.

тотъ и долженъ прежде всего объ этомъ заботиться. *Альтруизмъ* же „приложится“ самъ собою.

2) *Личный альтруизмъ* можетъ смягчить и сдѣлать сносными самыя суровыя учрежденія (*мы глазами*, а не по слухамъ, видѣли на крѣпостномъ правѣ, при Николаѣ Павловичѣ), — смягчить настолько, насколько нужно; ибо излишнія смягченія массамъ *неполезны*, даже и съ христіанской точки зрѣнія: усиливаютъ гордость.

3) *Правда*, что невѣрующіе люди сдѣлали гораздо больше, не для *оцутимаго благоденствія* (это еще вопросъ), а для *уравнительнаго прогресса*, чѣмъ вѣрующіе. Но тотъ, кто *вѣруетъ*, пойметъ изъ этого не то, что хочетъ понять негодяй Соловьевъ, а то, что *самъ прогрессъ* — *нехорошъ*... и что до него въ сущности христіанству и дѣла нѣтъ. Оно можетъ только *допускать* его, какъ неизбѣжность, и въ житейской практикѣ мириться съ нимъ, пока онъ (прогрессъ) не идетъ противу Церкви открыто. И только.

Прочтите это Юрію Николаевичу. Я увѣренъ, что онъ согласится съ этимъ; но увѣренъ также, что такъ, „ребромъ“ онъ не рѣшится поставить вопросъ печатно.

А то, что Александръ II, Ростовцевъ, Милютинъ, Самаринъ и др. не были „безбожниками“ — это возраженіе въ высшей степени *невыгодно*. Во-первыхъ, въ *степени* церковности этихъ дѣятелей позволительно сомнѣваться. Думаю, что большинство ихъ было одинаково далеко и отъ „безвѣрія“ и отъ истинно-церковнаго христіанства. Они были всѣ именно „умѣренные либералы“: не отвергали и не *руководились*, не *подчинялись*. Самаринъ позволилъ себѣ напечатать, что есть „нравственные атеисты“, которые ближе къ Богу, чѣмъ многіе „Благовѣрные“. „Высокопреподобные“ и т. п. Вотъ ихъ (славянофиловъ) церковность! Ни отъ Амвросія, ни Филарета или Никанора, ни Тихона Задонскій — этого бы не сказали. Моей племянницѣ, Марѣ Владиміровнѣ, просившей у отъ Амвросія разрѣшенія молиться за отца (который, умирая, торжественно отказался принять священника), старецъ далъ *особую* молитву, гдѣ испрашивается *пощада* у Бога въ томъ, что она, по личному чувству, держитъ за безбожника молиться...

Вчера былъ у меня кончающій курсъ и весьма умный академикъ Поповъ (знакомый Тихомирову); онъ тоже жало-

бался на это возраженіе Говоруки и очень вѣрно замѣтили: „Всѣ эти дѣятели, конечно, не постольку были эмансипаторы, поскольку они были религіозны, а постольку, поскольку прониклись европейскими идеями“! Вполнѣ вѣрно! Вполнѣ!

И еще—объ „эгоизмѣ“. Если-бы покойный старецъ Амвросій 25-лѣтнимъ юношей не думалъ бы исключительно о спасеніи своей души, если бы не вдохновлялся тогда тѣмъ, что я зову трансцендентальнымъ (загробнымъ) эгоизмомъ, а думалъ бы о томъ, чтобы улучшать земную жизнь другихъ, то изъ него вышелъ бы или гордый и раздраженный, или пустой человѣкъ; но думая десятки лѣтъ лишь о своемъ спасеніи, онъ сталъ великимъ спасителемъ другихъ: онъ спасъ Ѳ. П. Чуфрина отъ самоубійства; онъ меня окаяннаго и многогрѣшнаго поддерживалъ на правомъ пути въ теченіи 17 лѣтъ; онъ многое множество другихъ людей обращалъ, утѣшалъ, исправлялъ и т. д.

Вотъ такъ надо брать это дѣло за корни! Грубо, ясно, смѣло. А необходимо... Да! эгоисты; но такъ нужно. Да! невѣрующіе сдѣлали революціи и реформы. Оттого они и скверны... И прогрессъ есть разложенье...

А такъ (кромѣ меня, *прежняго*) никто не хочетъ писать...

И же теперь, по предсмертному завѣту моего великаго учителя, буду писать впредь или по нуждѣ (денежной), которой слава Богу, сейчасъ нѣтъ, или по большой ужь охотѣ, которой быть не можетъ у 60-лѣтняго человѣка, давно уже утомленнаго молчаливымъ презрѣніемъ однихъ и недостойнымъ предательствомъ другихъ.

Господи! Зачѣмъ вы всѣ такъ осторожны? Ужъ не „практичность“ ли какая-нибудь? Смотрите, пересолить не долго. Есть всему время; иной разъ и эта кажущаяся „практичность“ бываетъ въ высшей степени непрактична.

Это отчасти и къ Вамъ, мой добрый другъ, Ан. Ал., относится. Я помню и у Васъ что-то: „Ангелы кротко“ и т. д.

Изгнать, изгнать Соловьева изъ предѣловъ Имперіи нужно, а не... И т. д.

Вашъ К. Леонтьевъ.

Письмо LXV.

31 октября 1891 г. Сергіевъ Посадъ.

Друтъ мой! На ваше маленькое письмо отвѣчаю большими. *Ивчти* угадалъ, что это *Вы*—авторъ статьи „Какого вы духа?“ Колебался между Чуфринимъ и Вами, но уже до получения Вашего письма рѣшилъ въ Вашу пользу на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) *Языкъ* проще и чище, чѣмъ у Ѡ. П., который съ трудомъ еще отвыкаетъ отъ изысканныхъ выраженій; 2) *Письмо мое* было послано *Вамъ*, и въ немъ были нѣкоторыя мысли, прямо вошедшія въ статью; 3) Чуфринъ гостилъ у меня три дня и уѣхалъ вечеромъ наканунѣ появленія статьи,—когда жъ было успѣть? 4) По его личному, страстному, а не только духовному, чувству къ от. Амвросію, онъ не позволилъ бы себѣ сказать то, что мы сказали: „еслибы смолоду от. Амвросій“ и т. д., „то, можетъ быть, изъ него вышелъ бы пустой или раздраженный челоуѣкъ“...

Доволенъ ли я? Я уже В. А. Грингмуту писалъ (при случаѣ), до чего доволенъ, и безкорыстно и по окаянности моей (т. е. по тшеславію). Вообще — эта полемика и радуетъ меня и волнуетъ. Я все боюсь, чтобы Соловьевъ не вывернулся; но, видно, Грингмутъ и Говоруха не пожалѣли трудовъ, не полѣнились заpastись справками. А я? Я могу только молиться за нихъ, благословлять ихъ, восхищаться ихъ возраженіями,—и только!.. Ветеранъ, инвалидъ, безсилно, но радостно машущій костылемъ своимъ, при чтеніи о подвигахъ и побѣдахъ своихъ соотчичей...

Впрочемъ, хочу чужими руками жаръ загребать... Попытаюсь хоть совѣты давать. Надо бы, *по напечатаніи реферата* (хотя бы и въ искаженномъ видѣ), чтобы *духовенство* наше, наконецъ, возвысило свой голосъ. Можно бы предложить Иванцову-Платонову или Сергіевскому... А лучше всего было бы, еслибы г. Петровскій обратился съ просьбой къ Великому Князю Сергѣю Александровичу уговорить митрополита Іоаннікія, чтобы онъ сказалъ самъ проповѣдь противу этого смѣшенія христіанства съ демократическимъ прогрессомъ, или обнародовалъ какое-нибудь краткое посланіе къ своей паствѣ. Скажутъ: много чести? Я не согласенъ. Преосв.

Никаноръ удостоилъ же вниманія своего Л. Н. Толстого; а что такое проповѣдь этого самодура и юрода сравнительно съ *логическою* и связною проповѣдью сатаны—Соловьева!

Не надо переходить въ такой практичности черезъ край (т. е. не прославлять посредствомъ „анаемы“). Изъ двухъ золъ: еще нѣсколько больше прославить и оставить паству въ недоумѣннн, — конечно, первое лучше. Это разъ. А сверхъ того, хотя я лично еще не видалъ ректора здѣшней академии от. Антонія (онъ у меня былъ, но засталъ спящимъ послѣ обѣда.—а теперь самъ боленъ; но мы обмѣнялись книгами и т. д..), но непременно напишу ему письмо, въ которомъ буду *умолять* возразить Соловьеву. Опасаюсь только, что онъ самъ (по нѣкоторымъ признакамъ) либераль-демократъ; но, однако... въ какой мѣрѣ? Не въ такой же, въ какой сталъ Соловьевъ,

И еще: не хотите ли Вы съ В. А. Грингмутомъ и Говорухой, чтобы я написалъ епископу Теофану, затворнику Воронежскому? Говорятъ, онъ отвѣчаетъ на письма.

Если Вы, по совѣщаннн, найдете, что это хорошо, то надо собрать мнѣ всѣ №№ „Московск. Вѣдом.“, въ которыхъ была и будетъ эта полемика, для отправки къ нему. И *непретънно* книжку журнала („Вопросы Философнн и Психологнн“), гдѣ будетъ рефератъ. *Своихъ* №№ я не отдамъ никому. Теофанъ—старецъ, и притомъ болѣе *ученый*, чѣмъ от. Амвроснн и другнн.

Я предлагаю такого рода планъ: *сперва* добиться, чтобы духовенство возвысило голосъ,—тогда для недоумѣвающихъ все будетъ ясно и авторитетно. *Потомъ*, когда этого добьемся, употребить всѣ усилнн, чтобы Вл. Соловьева выслали (навсегда или до публичнаго покаяннн) за границу. Государство Православное не имѣетъ права все переносить молча! И, *наконецъ*, по *высылкѣ*, сдѣлать секретное цензурное распоряженнн такого рода: *его* книгъ не выпускать; но если кто вздумаетъ писать о Вл. Соловьевѣ, то *можно*, но подвергать, по исключеннн, *предварительной цензурѣ* даже и *назначенное для безцензурныхъ изданнн*: опроверженнн, нападки—хорошо; защита—нельзя.

Л. А. Тихомровъ очень этого (высылки) боится, полагая, что это создастъ ему окончательный „ореолъ“. Но, во-первыхъ, если и такъ, то что же дѣлать? Видно, этихъ „орео-

словъ“ не избѣжишь при серьезной борьбѣ. А во-вторыхъ, при такихъ сужденіяхъ забывается то легкомысліе и даже та подлость, которыя свойственны всякой публикѣ, а нашей пустоголоной и подавно. *Забываютъ* дряни всякаго, — только замолчи или удались. Чернышевскаго, на моихъ глазахъ, при жизни какъ разъ забыли; Герцена почти вдругъ бросили и т. д.

У насъ этотъ „ореолъ мученичества за идею“ — соломенный: ярко вспыхнетъ — и потухнетъ скоро. Ну, да и страхъ что-нибудь да значить для будущихъ писателей: не всякому хочется въ изгнаніе.

И еще соображеніе касательно *самого Соловьева*. Что онъ будетъ дѣлать за-границей? Положимъ, онъ можетъ писать по-французски... Но что? Съ *настоящими* *открытыми* католиками онъ тоже несогласенъ; они гораздо ближе къ намъ, чѣмъ къ нему. Третьяго года А. П. Саломонъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ и тонко-образованныхъ русскихъ людей, какихъ только я зналъ, — человекъ увлекающійся и сложный (въ одно и то же время приверженецъ от. Амвросія и горячій почитатель Соловьева), — говорилъ мнѣ, что *иезуиты Соловьевымъ* очень недовольны, и будто говорили ему (въ Парижѣ):

— Мы Вашу книгу „La Russie et l’Eglise Universelle“ не одобряемъ (несмотря на благословеніе Папы, — данное, впрочемъ, автору, а не книгѣ... Вѣжливость!) и будемъ ея вліянію всячески препятствовать. Мы не находимъ полезными какія-то массовыя, національныя движенія для соединенія Церквей; мы занимаемся только-личнымъ *увлеченіемъ души*. — (Т. е. тѣмъ же, чѣмъ и у насъ вѣрующіе рады заниматься).

Что же ему будетъ дѣлать *между* католиками и атеистами-демократами? Тамъ все рѣзче и яснѣе, чѣмъ у насъ по этой части. Придется, чтобы вліять и имѣть успѣхъ, сдѣлать что-нибудь одно изъ двухъ, „сѣсть на одинъ изъ стульевъ“ (между которыми онъ сидитъ теперь, по выраженію Грингмуга): или отречься разомъ и отъ демократіи и отъ православія *уже явно*, т. е. перейти окончательно и лично въ чистый и прямой католицизмъ, — тогда у насъ отъ него отступятся и всѣ наши нигилисты и всѣ недоумѣвающіе полуправославные; или же стать открыто на сторону дальнѣйшей

революціи и объявить, что Царство и Православіе — одинаково *вздоръ*! Куда же тогда улетитъ его прежняя слава, какъ *мистика*? Или, наконецъ, продолжать висѣть въ уныніи, безсильномъ раздраженіи и безъ практическаго вѣса — между небомъ и землей..

Изгнаніемъ можно этого достигъ, снисхожденіемъ въ Россіи — никогда! Вотъ о чемъ совѣтую подумать въ редакціи „*Моск. Вѣдом.*“ Прочтите имъ все это.

Принялся, наконецъ, сегодня передѣлывать извѣстную Вамъ статью для Цертелева (насчетъ Астафьева). Батюшка велѣлъ кончить. И теперь думаю: Господь избавилъ меня отъ печальной и тяжелой бѣды; хорошо, что онъ (Соловьевъ) прошлаго года поссорился съ Цертелевымъ за жидовъ и отказался отъ *роли судьи моего*, — такъ что теперь я ему ничѣмъ не обязанъ и могу свободно прервать съ нимъ. Жду только реферата, чтобы написать ему письмо, яко мытарю и язычнику.

Отъ *моихъ*, вообразите, около мѣсяца — ни слова. До чего Варя-то лѣнлива стала! Это ужасно.

Вашъ К. Леонтьевъ.

Письмо LXVI.

Ан. Ал. Александрову.

(Загадка).

За упоминаніе (на лекціи, которая была въ „*Московск. Вѣдом.*“)¹¹⁰⁾ котораго историческаго *дѣятеля* (времени Екатерины II) я наиболѣе благодаренъ?

К. Леонтьевъ.

Сообщилъ А. А. Александровъ.

¹¹⁰⁾ Здѣсь говорится о моей вступительной лекціи, какъ приватъ-доцента. Пытаясь разрѣшить заданную мнѣ загадку, я отвѣтилъ, полупусть, полусерьезно, что колебался между Тихономъ Задонскимъ и Емелькой Пугачевымъ и рѣшилъ въ пользу Пугачева, потому что рѣшеніе вопроса въ пользу Св. Тихона было бы для К. Н. слишкомъ просто, прямолинейно. Угадалъ я или нѣтъ, такъ и осталось для меня загадкой, потому что уста, загадавшія ее, не успѣвъ мнѣ отвѣтить, замолчали навѣки. А.